ИСТОРИЯ

УДК 94 (3)

DOI: 10.21779/2542-0313-2019-34-1-7-17

А.Н. Алимирзоев

Из политической истории кутиев

Отдел древней истории Азербайджана Института истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана; Азербайджан, AZ1073, г. Баку, пр. Г. Кавида, 115; alimirzoev.60@mail.ru

Цель исследования – проанализировать сведения клинописных текстов конца III тыс. до н. э., имеющих отношение к сыновьям жреца храма бога Нергал в области Намар (между притоками Тигра Аджем и Дияла) по имени Шадармат. В статье используется системный подход к первоисточникам, принцип историзма и метод сравнительного анализа, осуществлён палеографический анализ наскальной надписи из Дербенди-Белула и царских списков. Автор выдвигает предположение, что род Шадармата принадлежит не к хурритам, как это принято считать в ассириологической науке, а к кутиям. После падения господства кутиев в Южной Месопотамии (2109 г. до н. э.) род Шадармата потерял контроль над долинами Дияла.

Ключевые слова: *клинописные источники, хурриты, Субарту, кутии, область Намар, Аванское царство.*

Вопросы, связанные с происхождением и прародиной хурритоязычных племён, до сих пор остаются нерешёнными. По мнению ряда авторитетных исследователей, они, возможно, являлись носителями Куро-Араксской археологической культуры, охватывающей также северо-восточную часть Анатолии. С середины Аккадского периода в клинописных текстах начинают появляться собственные имена правителей общин сирийских степей и небольших поселений предгорий Загроса, куда частично мирно, а временами и насильственно проникали наследники носителей этой археологической культуры. Шумеры называли этот регион «Субир», а аккадоязычное население Месопотамии (ассирийцы и вавилоняне) – «Субарту» [36, с. 109–113; 13, с. 508, с. 512–513; 2, с. 76–78]. Большинство ученых до сих пор не сомневается в тождестве субареев и хурритов. Однако исследования И. Гельба показали, что среди субареев встречаются лица с нехурритскими именами и что их следует отнести к другому, более древнему субстрату северной части Месопотамии и прилегающих долин Загроса, т. е. к луллубеям и эламитах [18, с. 20–22, с. 84–91]. А под «хурритоязычными» народами подразумеваются собственно хурриты и биайнийцы (жители царства Урарту), которые имели свою письменность. Косвенным образом, хотя и небезосновательно, в эту группу включают также бесписьменный кутийский язык¹. Было высказано предположение,

¹ Иногда в клинописных текстах *Субарту* и *Кутиум* выступают синонимами [36, с. 72, 76, 81, 87]. И это неспроста; следует учитывать, что в западной части исторической Субарту (в районе горы Тур-Абдин) в XIII–IX вв. до н. э. существовало политическое образование

позволившее увязать наименование кутиев с утиями античных и раннесредневековых источников – насельниками Кавказской Албании. Ныне этникон «ути» сохранился в самоназвании удин, одной из малочисленных народностей шахдагской языковой группы, проживающей в трёх селах Азербайджана и Грузии. Данное предположение аргументируется неустойчивостью начального звука *к* в этой группе языков. Учитывая географическую близость и типологическое сходство отдельных признаков, некоторые авторитетные учёные считали язык кутиев языком северо-восточнокавказской языковой семьи, особенно её дагестано-нахской ветви [36, с. 151; 3, с. 110; 13, с. 512–513; 6, с. 18; 4, с. 166]¹.

С расширением политического влияния Аккадской державы (XXIII в. до н. э.) какая-то хурритоязычная народность (скорее всего, это были кутии, а не собственно хурриты)², становится одним из главных «актёров» в политической жизни Передней Азии. Тогда же начинают формироваться их первые племенные союзы, сумевшие, в конечном счёте, низвергнуть Аккадскую империю. Вряд ли это было под силу самим хурритам. В шумерском и аккадском вариантах билингвы вавилонского царя Хаммурапи страна Субарту имеет одну и ту же форму [36, с. 48; 18, с. 41]. Из этого можно заключить, что во времена Хаммурапи хурриты ещё не были преобладающим этносом в Субарту, и страна не именовалась по их названию. Лишь с середины II тыс. до н. э. наименования *субареи* и *хурриты* становятся синонимами, вследствие чего в древних словарях появляются общие теонимы (Тешуб, Шаушга, Аштупину, Зизану) и слова (*ene* «бог», *hiaruhe* «золото», *ašti* «женщина», *harali* «дверь», *pitqu* «сын» и др.), употребляемые как субареями, так и хурритами [16, с. 43–45; 36, с. 129, Anm. 4; 18, с. 16]. Редкие топонимы, связанные с хурритами (*hu-rim^{ki}*), впервые появляются в хозяйственных текстах III династии Ура второй половины XXI в. до н. э. [26, № 17, с. 23, 24, 55, 74, 191]³. Лишь спустя три столетия в текстах из Мари их количество увеличивается [30]. Вероятно, «хурритские» элементы раннего периода должны быть отнесены не к собственно хурритам, а к близким им по языку кутиям, соседям субареев. Далее речь пойдёт о том времени, когда племена хурритов, хотя и просачивались в северные районы Месопотамии и Сирии, тем не менее, были не в силах повлиять на политическую ситуацию. Видимо, этим объясняется отсутствие упоминаний хурритов в военных сводках их соседей.

кутиев (Кутмухи или Катмухи, где конечный *хи* несомненно является хурритским топонимическим показателем). Интересно, что самоназванием хиналугцев, жителей одного из высокогорных сёл Кубинского района Азербайджанской Республики, говорящих на одном из диалектов шахдагской группы нахско-дагестанской ветви, является *кат/кāti*. Синонимичность терминов *Субарту* и *Кутиум* подтверждается также тем, что в Старовавилонский период рабов из этих стран называли *namruti* (<аккадский *namurtum*, со значениями «интеллигентный», «трофейный», «дарственный» (!), а не «светлый») [34, с. 101–108; 36, с. 105]. Синонимичность этих терминов проявляется и в литературных произведениях-плачах, описывающих падение шумерских городов во время нашествия кутиев [2, с. 89].

¹ Но этот вопрос ещё нельзя считать решённым.

² Политическая активизация третьей ветви хурритоязычной народности, биайнийцев с их племенным союзом Уруатри (позже Урарту), произошла в XIII в. до н. э.

³ Фраза *hur-ru-um-kur-ra* в позднешумерском эпосе о Лугальбанде, повествующем о странствиях урукского героя в XXVII в. до н. э., переводится как «пещера/берлога горы» и не связана с наименованием хурритов [13, с. 509].

Кутии очень рано вышли на историческую арену и уже в середине III тыс. до н. э. в составе коалиционных войск горцев безуспешно воевали против царя Адаба Лугальбаннемунду [36, 31]. При аккадском царе Нарам-Суэне (около 2236–2200 гг. до н. э.) в связи с военными конфликтами сведений о них становится больше. Большинство исследователей считают, что в период вторжения в Двуречье у кутиев ещё не сложилась государственность, и в Шумер они пришли якобы как грабители. Но официальная шумерская традиция отвечает на этот вопрос иначе, ибо власть кутийских лидеров признавалась в городах Двуречья. Это государство было представлено в виде отдельных общин, хотя историческая традиция обобщенно называла их страну «Кутиум». Синхронные тексты указывают на то, что, несмотря на междоусобицы в верхних слоях общества, власть кутиев в Двуречье была прочной и мирной. То, что кутии уводили в рабство жителей Двуречья, говорит о том, что первобытнообщинный строй у них закончился и начался рабовладельческий. Имена 20 кутийских правителей сохранились в разных вариантах шумерского царского списка. Из синхронных текстов известно, что не все цари, которым суждено было править Кутиумом, попали в этот список. Сохранилась поздняя (старовавилонская) копия длинной надписи, сделанная одним из них, Эрридуписиром¹. [19, с. 303–316]. Существовали и другие, которые по тем или иным обстоятельствам не были включены в список правителей Кутиума. К кутиям можно отнести также правителей области Намар (иначе Навар, Намру), расположенной в районе Джебель-Хамрин, восточнее современного Ханикина, между реками Аджем и Дияла². Бронзовая дощечка с клинописным текстом (см. рис. 1) одного из первых царей этой области была найдена в начале прошлого века в иракском городе Самарра.

¹ Имя могло означать «весёлый воин». Ср. хуррито-урартские слова *huradi* «воин» + *pis* «радость» [6, с. 47–48, 193]. Элемент *pis*- встречается также в имени царя хурритоязычных туруккийцев Писэндана, означающего «радость правителя» [14, с. 26]. Племя турукку, проживающее в районе низменностей Рания и Ушну-Сулдуз, упоминается в ассирийских текстах конца XIX в. до н. э. в связи с намерениями Шамши-Адада I расширить свои владения в северо-восточном направлении.

² Эта область находилась по соседству с шумеро-аккадским городом Эшнунна. То, что Намар был кутийской областью, косвенно подтверждается сообщением одной надписи из Мари, согласно которой при нападении на город Ларса некая «госпожа из Намара» (MU-NUS *na-wa-ri-tum*) командовала 10000 кутийских воинов [14, с. 32].

Рис. 1. Надпись Аталсиена

Текст гласит:

1. ^dne-eri-gal 2. šarrum 3. ha-wa-lim^{ki} 4. a-tal-si-en 5. ramī alim ip-šum 6. šarrum 7. Ur-KIŠ^{ki} 8. u₂ na-wa-ar^{ki} 9. mar ša₁₈-dar-ma-at 10. šarrum 11. bāni 12. ^dne-eri-gal 13. etellu ša nin-ú-tim

Левая сторона: ša nin-ú-tim šù tuppam šu-a-ti ù-sa-za-ku ^dŠamaš.

Правая сторона: ú ^dIštar šum-šu 'li-il'-gu₃-ta.

Нижняя часть: sa-um-si-en bānūm.

«Нергалу, владыке преисподней. Аталсен опытный градостроитель, царь Уркиша и Навара, сын Шадармата, царя, основателя храма бога Нергала, героя-уничтожителя. Кто эту надпись разрушит, [пусть] бог Шамаш и богиня Иштар его имя уничтожат. Саумсиен – изготовитель» [35, с. 1–4].

Текст составлен от имени Аталсена, царя Уркиша и Навара. Прежде в научной литературе его имя читалось как *A-ri-si-en*. Исследователи считают это имя хурритским со значением «Дар брата» или «[Бог] дал брата»¹. Ныне достоверно установлено, что имя следует читать как *A-tal-si-en* [6, с. 132]. Судя по титулу, Аталсен властвовал над огромной территорией, простирающейся от Уркиша (на севере Сирии, в районе Тель-Мозан) до берегов Диялы, на расстоянии свыше 500 км². Именно это обстоятельство не позволяет нам датировать правление Аталсена Аккадским периодом, когда полоса между Уркишом и Наваром полностью контролировалась правителями Аккада.

Другой почётный титул Аталсиена – «градостроитель», каковым он и был до воцарения. По Ф. Тюре-Данжену, первоначально он носил титул *ri ālim* («pasteur de la ville») [35, с. 2–3]. Пиктографическая праформа знака *RI*, имевшего также аккадскую форму *ramī* «строить», «сооружать», видимо, представляет собой схематическое изображение ствола пальмы, без которого невозможно было обойтись при строительстве³. Согласно тексту дощечки, Аталсен унаследовал власть от отца Шадармата, который в своё время основал храм бога Нергала. Властелин подземного мира Нергал был также богом-покровителем города Кута (совр. Тель-Ибрагим в южном Ираке) и эламской области Хубшен [39, 40]. Культ этого бога в Элам мог попасть после падения Аккадской династии, точнее при ставленнике кутиев Дуду, ибо известно, что он организовал победоносный поход в Элам. Он и его сын Шутуруль посвятили богу Нергалу дарственные сосуды [19, с. 121–122; 17, с. 211, 217]. То, что хурриты и урартийцы не почитали этого бога, лишний раз подтверждает кутийское происхождение рода Шадармата.

¹ От хурритского *ar* «дар» + *seni* «брат» [36, с. 143; 18, с. 56, 112; 3, с. 98, прим. 5].

² Существование городов, чьи названия совпадают с кутийским антропонимом *Тирикан*, подтверждает, что в этот период кутии имели влияние на земли в среднем течении Евфрата [20, с. 48].

³ Шумерское обозначение этого строительного материала звучало как ^{gis}*DAL*, которое в форме *tallu* вошло в аккадский лексикон [23, № 86]. Возможно, оба эти названия восходят к хурритско-кутийскому *tali* («дерево») [24, с. 253]. Это слово сохранилось в современном турецком языке как *dal* «ветвь». Можно сравнить также кутийское *harambi* с хурритским *erembi*, означающем какой-то вид можжевельника (?) [16, с. 41]. Возможно, от него же образовано шумеро-аккадское название кедра *erem>eren>erennum* [6, с. 52]. Вполне вероятно, что Шадармат по профессии был столяром.

Хотя имя Садармат (так читают его все исследователи)¹, и было признано хурритским, тем не менее, его значение до сих пор не выяснено². Хурритским считается также имя составителя этого текста Саумсена [34, с. 144; 18, с. 56, 114].

Ещё в 1839 г. в своих отчётах о поездке по долинам Центрального Загроса Г. Роулинсон сообщил о группе наскальных надписей с барельефами, таких, как Бехистунская Дария I, Зохабская Анубанини, и о той, которая была высечена на юго-восточном краю долины Шейххан, в 24 км юго-восточнее иракского города Хурин, у села Дербенди-Белула. На рельефе изображён мужчина, вооружённый топором и луком. Изобразив двух других людей значительно меньше ростом главного персонажа, скульптор стремился подчеркнуть его величие и могущество, превосходяство над врагами, одного из которых он давит ногой, а другой молит его о пощаде (см. рис. 2).

Рис. 2. Барельеф из Дербенди-Белула

В 1890 г. здесь побывал капитан Л. Бергер. Чуть позже Жак де Морган и эпиграфист его экспедиции, ассириолог В. Шейль, осмотрев этот памятник, осуществили первое научное издание надписи [27, 102, fig. 7; 28, 153, fig. 147, pl., X]. В 1924 г. Э. Херцфельд осмотрел рельеф и сверил сопроводительную надпись (см. рис. 3).

Рис. 3. Прорисовка текста из Дербенди-Белула (по Э. Херцфельду)

¹ В месопотамской клинописи при передаче глухой, звонкой и эмфатической форм гласного звука не было графических различий.

² Элемент *š/satar-* соответствует эламскому *šutur* («закон», «справедливость»), который с XIII в. до н. э. встречается в антропонимии Элама (ср. имена Шутрук-Нанхунте, Шутур-Хумпан, Шутур-рири, Шутар-шарху и т. п.), а ещё раньше в Луристане (Ши-шатар) [39, с. 8, 41]. Возможно тот же элемент содержится в имени «Шутуруль». В Луристане, в регионе компактного проживания кутиев, тот же компонент встречается вплоть до VIII в. до н. э. в составе имён царьков (Сатарешу, Садарпану) [3, с. 222].

С тех пор эта аккадоязычная надпись с незначительными уточнениями неоднократно переиздавалась и была изучена. Несмотря на все усилия исследователей, личность и имя главного персонажа этого монументального памятника не были установлены. Чтение его имени затрудняется лакуной в начале текста, в которой был написан первый слог имени. Группа знаков, обозначающая его имя, читалась по-разному: *Tar...-dun-ni* [27, с. 105; 34, с. 89, not. 5; 11, с. 41], *Šil-?-dun(?) -ni* [21, с. 17], *Sar-ba-ni-pi-ri-ni* [12, 101], *[?]-ba-ni-pi-ri-ni* [36, с. 145], *Hub-ba-ni-pi-ri-ni* [20, с. 154–156]¹. И.М. Дьяконов читал это имя как *Li(!)-šī-ir-pi-ri-ni*, полагая, что это аккадское имя означало «Да процветёт наш отпрыск». В тексте названо также имя его отца – Иккибшахмат [3, с. 116–117]. Детальный каллиграфический анализ позволяет нам пересмотреть чтение этих имён. Надпись гласит:

Кол. I: [il]i₅-si-ir-bi-ri-ni mar amēlu gi₅-pār ša-dār-ma-at

Кол. II: šalmam uš-zi-iz i-nu ma-at a(!)-ba-an ú-te-[r]u₇ ša šalmam i-sír

Кол. III: bi-ri-šu ú-šu-um-šu ^dŠamas ^dAdad i-lí-lí-gú.

Кол. IV: не сохранилось.

«Лисир, повелитель, сын служителя храма Шадармата², изображение [свое] установил, когда вернул страну Аван³. Кто удалит изображение, отпрыска его и имя его бог Шамаш [и] бог Адад [пусть] отнимут»⁴.

Комментарии к чтению надписи

1. Уцелевшие клинья первого полустертого знака надписи и соответственно начальный слог имени автора текста очень напоминают конец знака *il₅/ili₅* (Labat 1988: № 564).

2. Слово *bīrini*, вопреки общему мнению, не является частью личного имени, а представляет собой транскрипцию инородного термина на аккадском. Его можно сопоставить с хурритским термином *ewri/ebri/ebirni* «царь, господин» [24, с. 85–86], а также с касситским *burna* «привилегированное лицо» [3, с. 112].

3. Стоявший в начале последней строки первого столбца знак идентифицируется всеми исследователями со знаком *-ip/-ib-*, мы же считаем его разновидностью близкого по форме знака *-par₃-* [23, № 535, с. 280]. Слово *qīraḡ* шумерского происхождения и обозначало часть храма, где проводились религиозные обряды. Следовательно, *amēlu qīpār* переводится как «служитель храма».

Учитывая уникальность имени Шадармат, можно предположить, что в рассмотренных нами текстах упоминается одно и то же лицо, а именно строитель и

¹ Прорисовка Ж. де Моргана позволяет читать знаки этого имени как *ša[r]-si-ni*, которое можно сравнить с именем вождя луллубейской области Мазамуа в конце IX в. до н. э. Шарсина [3, с. 164]. Последний раз эти знаки читались как *[x]-ba-[x]-ir* [29, с. 147].

² Первоначально имя читалось как *Sin-ipšah* [27, с. 105].

³ Поскольку в других клинописных текстах название *Аван* обычно пишется в форме *a-PI-an*, то не исключено, что в этой надписи речь могла идти о городе Забан. Разнотение топонима связано с тем, что в стародаккадский период между клинописными знаками *-a-* и *-za-* иногда не было графических различий [23, № 579, 586]. Однако город Забан, судя по названию, находился в долине реки Малый Заб, а Дербенди Белула – ближе к истоку Диялы. Ныне исследователи считают, что в данном случае речь идёт о городе Аван [10, с. 350, Anm. 2; 15, с. 47–50; 37, с. 53].

⁴ Последний исследователь текста У. Фарбер читает последнюю строку III колонки как *ša ALAM i-he-pu*, а последнее слово – как *i-hal-li₂-ku* [15, с. 48]. Предложенное нами чтение *ililiqū* восходит к глаголу *liqū* («забрать, отнять, лишить»). Предложенное последний раз чтение этих знаков как *i-li a-li-[x]* («мои боги») вызывает сомнение [29, с. 147]. Правильность нашего варианта (*i-li-lí-gú*) подтверждает запись *li-il'-gu₃-ta*, которой завершается надпись его брата Аталсена.

жрец храма Нергала. Старший сын Шадармата Аталсен, имя которого означает «старший брат» (от хурритского *talmi* «большой» + *šeni* «брат» [24, с. 253, 225]¹, унаследовал власть в Наваре и расширил границы своих владений до Уркиша. А младший сын Илисир (иначе Илсир)², отвоевав Аван, восстановил утерянные позиции своего рода в северном направлении. Возможно, Шейххан находился на территории древнего Авана, южные границы которого соприкасались с Намаром. В надписи из Шейххана нет сведений о времени и обстоятельствах потери власти над Аваном и о противнике Лисира.

Аван был центром первого политического возвышения эламитов, и 12 уроженцев этого города, упоминающиеся в Сузском списке, в течение более чем двух веков управляли Эламским государством [32, с. 1–3]. Эламский характер имён первых девяти царей этой династии не вызывает сомнения, чего нельзя сказать об именах двух последующих царей. Действительно, для имён Хэлу (*Hi/i₁₁-e-lu*)³ и Хитаа (*Hi/i₁₁-ta-a*)⁴ из сузского списка аванских царей трудно подобрать удовлетворительную этимологию из эламского словарного фонда. Они были современниками аккадского царя Нарам-Суэна. Видимо, главе одного из кутийских племен Хэлу удалось отстранить от власти девятого царя эламской династии в Аване Хишепратепа (иначе Хишебрасини).

Позже его преемник Хитаа объявляет себя царём страны Кутиум. Это устанавливается каллиграфическим анализом знаков, передававших его имя в Уэлд-Бланделовской копии («W-B.444», иначе «Оксфордская призма») списка царей Шумера. Кутийская часть этого списка начинается именем, которое прежде читалось как *Ni-bi-a*, *Im-ta-a* и т. п. Поскольку первый знак мало чем отличается от знака, читаемого как *-ih-* или *-i₂-* [23, № 398], скорее всего, эту группу знаков следует читать как *ih/i₂-ta-a*, что сравнимо с именем *hi/i₁₁-ta-a* из Сузского списка Аванских правителей. Если верить Уэлд-Бланделовской копии («W-B.444») списка царей, он правил в Кутиуме 3 года (или 5 лет) [3, с. 107, прим. 2; 1, с. 50–51]⁵. Одновременно с ним в соседних царствах Центрального Загроса правили другие горные вожди (Инбир в Наваре, Путтиматал в Симурру, Хубшумкиби в Мархаши, царь «умман манда» Анубанини со своими сыновьями и другие), с которыми, по преданиям, длительное время воевал Нарам-Суэн.

Для повышения эффективности борьбы с горцами Нарам-Суэн заключает договор о военном сотрудничестве с вассальным правителем Элама. Несколько

¹ По мнению других исследователей, имя означало «сильный брат» или «брат силен» [22, с. 179, not. 102].

² Имя автора надписи в переводе с хурритского (< *ilziri* «конец земли», «предел территории», «край чего-либо») означает «последний» [24, 121; 6, 183].

³ Имя в переводе могло означать «оратор» (от хуррито-кутийского *hil-* «говорить») или же «свободный» (от хуррито-кутийского *ehli* «вольный») [24, с. 105, 75–76]. Имя в форме *hi-el-lu* зафиксировано в одной аккадоязычной учётной записи из Суз середины II тыс. до н. э. [31, № 63]. Другая форма этого же имени (*ih-lu-ug*) встречается в хозяйственных текстах Нузи того же времени [25, № 27, с. 50, 51, 88, 132, 155, 161, 179]. Э. Херцфельд считал его кутийским [20, с. 241].

⁴ Имя в переводе мог означать «Удачливый» (от хуррито-кутийского *hutu* «удача» [6].

⁵ Соответственно «безымянный царь» (*lugal mu nu tuku*), стоявший в Уэлд-Бланделовской копии списка царей перед Ихтаа как первый правитель Кутиума [3, с. 106, прим. 3], может быть идентифицирован с Хэлу.

позже правитель города Сузы и наместник Элама Кутик-Иншушинак (в аккадо-язычных текстах «Пузур-Иншушинак»), как верный союзник Аккада, предпринял крупномасштабный военный поход на север. Об этом походе сообщается в старо-аккадской надписи на его статуе, где перечисляется более 70 разрушенных и завоеванных поселений, в том числе Хухнури, Кашшен, Кимаш, Кутиум, Симашки. Упоминаются также *Ha-lu*, *Ha-lu-min*, *Gi-la-ha-lú*, *Ha-la-ah*, *Hi-ta(?)*-*a-an-za*, *Hi-te-qu*, *Hi-te É-GEŠTIN* (дословно «Винный дом Хиты»), названия которых, по видимому, были даны в честь Хелу и Хитаа [33, с. 9–13, fig. I-II; 19, с. 321–324]¹.

После побед Кутик-Иншушинака Кутиум (в кол. II, строка 12 *gu-tum*^{ki} в тексте на его статуе) в определённое время находился под его контролем. Видимо, в ходе этой кампании был отвоеван Аван, после чего к его титулам был добавлен ещё один – «могучий царь Авана», встречающийся в двух его текстах [10, с. 349–350]. В текстах Кутик-Иншушинака наряду с родовым богом-покровителем Иншушинаком и богом дружественного Аккада Шамашем начинает фигурировать имя нового божества – Нергала. Например, в одном случае он призывает этих богов истреблять тех, кто посмеет посягнуть на сделанную им надпись [8, с. 65]. После него культ этого божества утратил популярность в Эламе.

Если верить шумерскому царскому списку, Кутик-Иншушинак смог удержаться на кутийском троне 6 (или 7) лет [3, с. 107, прим. 2]. После его смерти наблюдается активность кутийских вооружённых формирований, угрожавших набегами северным городам Элама. Союзнические обязанности по договору вынудили последнего представителя Саргонидов Шаркалишарри уже в одиночку воевать против горцев. Карательный поход на оккупированную кутиями северную часть Элама и соседнего Захара (позже был включен в состав эламской конфедерации Симашки), а также пленение отстранившего Кутик-Иншушинака от кутийского трона Сарлага (в шумерском царском списке – Сарлагаб), на время устранили эту угрозу [19, с. 54, D-27]. После смерти Шаркалишарри кутиям удалось оккупировать и длительное время контролировать города Аккада и Элама.

Что касается сыновей Шадармата, то они могли править между Ярлагабом и Пузур-Суэн, когда из-за политического кризиса верховные правители Кутиума не могли оставаться у власти более трёх лет [3, с. 107, прим. 2]. После поражения Тирикана (2109 г. до н. э.) кутии потеряли власть над всеми завоеванными землями, в том числе над Намаром. В Уркише, на который не распространялось влия-

¹ К этому списку можно добавить также город Хидалу (в надписях Ашшурбанапала: *hi-ta-lu*; от аккадского *Hita-alú* «город Хиты»), который в VII в. до н. э. наряду с Сузами и Бупила являлся одним из трёх «царских городов» Элама [7, с. 87]. Существование названных в честь кутийских царей городов подтверждается и другими сведениями. Например, в одном тексте из Эблы наряду со страной луллубеев упоминается местность *gu-la-an*^{ki} [9, с. 104, not. 279], которая, видимо, была названа по имени одного из ранних царей кутиев Гулаана, по преданиям вавилонян – врага Нарам-Суэна [38, с. 250–253]. В южной Месопотамии существовало разрушенное Ибби-Суэном поселение Сиу (или Сиаум), которое, видимо, было названо по имени одного из последних кутийских царей [40, с. 227]. Существовали также города, названные в честь преемника Сиума Тирикана [3, с. 108, прим. 4; 20, с. 48].

ние царей III династии Ура, потомки Шадармата, вероятно, сумели удержать власть¹.

Литература

1. Алимирзоев А.Н. О первых царях Кутиума // Азербайджан и азербайджанцы. – Баку, 2012. – Т. 111–112, № 1–2. – С. 49–54.
2. Архипов И.С. Топоним “Субир/Субарту” в Месопотамии III – первой половины II тыс. до н. э. // Вестник древней истории. – 2002. – № 4. – С. 76–97.
3. Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956. – 483 с.
4. Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и Восточнокавказские языки / Древний Восток. Этнокультурные связи. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1988. – С. 164–207.
5. Меццанинов И.И. Аннотированный словарь урартского (биайнского) языка. – Л.: Наука, 1978. – 388 с.
6. Хачикян М.Л. Хурритский и урартский языки. – Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР, 1985. – 132 с.
7. Юсифов Ю. Элам. Социально-экономическая история. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1968. – 406 с.
8. Andre B., Salvini M. Réflexions sur Puzur-Inšušinak // Iranica Antiqua. – 1989. Vol. XXIV. – P. 53–72.
9. Astour M.C. A Reconstruction of the History of Ebla (Part 2) / Eblaitica: Essays on the Ebla archives and Eblaite Language / Edited by C.H. Gordon, G.A. Rendsburg. – Vol. 4. – Eisenbrauns, Winona Lake, Indiana, 2002. – P. 57–106.
10. Boehmer R.M. Die Datierung des Puzur / Kutik-Inšušinak und einige sich daraus ergebende Konsequenzen // Orientalia. Novo Serie. – 1966. – Band 35. – S. 345–376.
11. Cameron G. History of Early Iran. – Chicago, 1936. – P. XVI + 260 + 5 tables+1 map.
12. Contenau G. Manuel d'archéologie Orientale depuis les origines Jusqu'à l'époque d'Alexandre. T. I. – Paris: Auguste Picard, 1927. – 545 p.
13. Edzard D.O., Kammenhuber A. Hurriter, Hurritisch // Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatische Archeologie. – 1975. – Band 4. – S. 507–514.
14. Eidem J., Lossoe J. The Shemshara Archives 1. The Letters. – Kobenhavn: The Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 2001. – 185 p. + 88 plates.
15. Farber W. Zur Datierung der Felsinschrift von Šaihhān // Archeologische Mitteilungen aus Iran. Neue Folge. – 1975. – № 8. – S. 47–51.

¹ Новый правитель Тишатал построил там храм богу Нергалу [22, с. 210–211]. Он носил титул *endan*, который можно сравнить с компонентом *-anda* (ср., хурритский *anza* «объявлять» [6, с. 61, 130] в имени кутийского царя Ярлаганда. Впрочем, для начального компонента этого имени (*-yar*) можно найти объяснения в родственном урартском. Так в урартских текстах встречается термин *iaranī* («храм»), где конечный *-ni* вступает в роли географического показателя [5, с. 137]: например, *para-ni* («гора»), *siu-ni* («озеро»), *eba-ni* («область»), *ardi-ni* («город»), *teri-ni* («сторона»), *tarma-ni* («источник») и др., а также множество топонимов, оформленные этим показателем [6, с. 31, 45, 48, 111]. Следовательно, в языке биайнийцев термин *iarani* («храм») буквально означал «место жреца». Судя по всему, компонент *iar-* кутийских царских имён (Ярлагаб/Ярлангаб, Ярлагаш, Ярлаганда) указывал на принадлежность их носителей к жрецам.

16. *Frank C.* Fremdsprachliche Glossen in assyrischen Listen und Vokabularen // Mitteilungen der Altorientalischen Gesellschaft. – Wien–Leipzig, 1928/1929. – Band IV, Heft 1. – S. 36–45.
17. *Frayne D.R.* The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early Periods. Vol. 2. Sargonic and Gutian Periods (2334–2113 BC). – University of Toronto Press, 1993. – 337 p.
18. *Gelb I.* Hurrians and Subarians. – The University of Chicago Press, 1944. – P. XV + 128 p.
19. *Gelb I., Kienast B.* Die Altakkadischen Königsinschriften des dritten Jahrtausends v. Chr. – Stuttgart: Altorientalische Studien 6, 1990. – S. XVI + 434.
20. *Herzfeld E.* The Persian Empire. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1968. – P. XXIII + 393.
21. *Hüsing G.* Der Zagros und seine Völker, eine archäologisch-ethnographische Skizze // Der Alte Orient. – 1908. – Band IX, $\frac{3}{4}$. – S. 1–67.
22. *Kozad A.M.* The Beginnings of ancient Kurdistan (C. 2500–1500 BC): a historical and cultural syntesis. – Leiden University, 2012. – 562 p.
23. *Labat R.* Manuel d'épigraphie Akkadienne (signes, syllabaires, ideogrammes). (signes, syllabaires, ideogrammes). La 6⁰ edition. – Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner S.A., 1988. – 379 p.
24. *Laroch E.* Glossaire de la lanque hourrite. – Laris, Paris: Editions Klincksieck, 1980. – 323 p.
25. *Meek T.J.* Excavations at Nuzi. Vol. III. Old Akkadian, Sumerian and cappadocian texts from Nuzi / Harvard Semitic Series. – London, 1935. – Vol. 10. – LIX p. + XCIII pl.
26. *Manuel J. Molina.* Testi amministrativi Neosumerici del British Museum. BM 13601-1430 / MVN, 22. – Roma, Bonsignori Editore, 2003. – 248 p. + XXXIV pl.
27. *Morgan J. de., Scheil V.* Les deux stèles de Zohab / Morgan J. de., Scheil V. Les deux stèles de Zohab / Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. Quatorzième année (Publie sous la direction de G. Maspero). – Paris: Émile Bouillon Editeur, 1893. – P. 100–106.
28. *Morgan J. de.* Mission Scientifique de Perse. Recerce archéologiques. T. IV. – Paris, Ernest Leroux Editeur, 1896. – P. XI + 302 + XXXIII planches.
29. *Postgate J.N., Roaf M.D.* The Shaikhan Relief // Al-Rafidan. – 1997. – Vol. 18. – P. 143–156.
30. *Röllig W.* Hurra, Ura // Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatische Archeologie. – Berlin, New York, 1975. – Band 4. – S. 505–506.
31. *Scheil V.* Textes élamites-semitiques (quatrième série) / Mémoires de la Délégation de Perse. Paris, Librairie Ernest Leroux, 1908. – T. X. – 94 p. + 13 planches.
32. *Scheil V.* Dynasties élamites d'Awan et de Simaš // Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale. – 1931. – T. 28. – P. 1–8.
33. *Scheil V., Legrain L.* Textes élamites-semitiques (cinquième série) // Mémoires de la Mission Archéologique de Perse. T. XIV. – Paris, Librairie Ernest Leroux, 1913. – 133 p. + 11 planches.
34. *Speiser E.A.* The Basic Population of the Near East. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, London: Humphrey Milford, Oxford University Press, 1930. – 198 p.
35. *Thureau-Dangin F.* Tablette de Samarra // Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale. – 1904. – T. IX. – P. 1–4.

36. *Ungnad A.* Subartu. Beiträge zur Kulturgeschichte und Völkerkunde Vorderasiens. – Berlin–Leipzig, Walter de Gruyter und CO, 1936. – 204 s.
37. *Vallat F.* Elements de géographie élamite (Résumé) // *Paléorient*. – Paris, 1985. – T. 11, – P. 49–54.
38. *Wetenholz J.* The Legends of Kings of Akkad. – Eisenbrauns: Winona Lake, 1997. – 410 p.
39. *Zadok R.* The Elamite Onomasticon. – Napoli: Instituto Universitario Orientale, 1984. – 83 p.
40. *Zadok R.* Elamite Onomastics // *Studi Epigrafici e Linguistici sul Vicino Oriente*. – 1991. – № 8. – P. 225–237.

Поступила в редакцию 30 января 2019 г.

UDC 94 (3)

DOI: 10.21779/2542-0313-2019-34-1-7-17

Excerpts on the Political History of Kutium

A.N. Alimirzoev

Institute of History of the Azerbaijan National Academy of Sciences; Azerbaijan, AZ1073, Baku, G. Kavida Av., 115; alimirzoev.60@mail.ru

Research objective is to make the analysis of cuneal texts dating back to the III- rd century BC, having relevance to the sons of the sacerdote Shadarmat serving in the castle of God Nergal in Namar (between the tributary of the Tigris – the Adzh and the Diyāl). The article provides a systematic approach to the authentic sources, involving historical approach and comparative analysis method. The author performs paleographic analysis of cuneal texts from Derbendy-Beul and royal lists. The author makes an assumption that the Shadarmites do not belong to the Hurrians as it is commonly cited in Assyriology but to the Kutiums. After the fall of the Kutiums' reign in South Mesopotamia (2109 BC) the Shadarmites lost control over the valleys of Diyāl.

Keywords: *cuneiform sources, the Hurrians, Subartu, the Kutiums, Namar, the kingdom of Awan.*

Received 30 January 2019